

в своих внутренних конфликтах (спор за престол Георгия II и Баграта, война Димитрия III и Феодосия III).

В рамках этой традиционной провизантийской политики действовал и Баграт III, вступивший в т. ч. в конфликт со своим приемным отцом Давидом Куропалатом, причем в самый тяжелый для того момент – во время восстания Варды Фоки против Василия II, после поражения в котором Давиду пришлось завещать свои земли империи. В свою очередь, Василий II, в рамках своей восточной политики «восстановления», был крайне заинтересован в лояльном могущественном партнере на Кавказе, способном противостоять как мусульманским, так и монофизитским правителям – соперникам Византии.

Д. В. Возчиков

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Образ Михаила VIII Палеолога в венецианском нарративе XIV–XV вв.

В контексте формирования и эволюции в позднесредневековом нарративе Венецианской республики представления об исключительности Республики св. Марка и совершенстве ее политической модели («венецианский миф») Византия представляла значимым Другим венецианской истории. Важную роль в конструировании венецианскими интеллектуалами образа Византии играли портреты ее монархов, среди которых особое место занимал образ Михаила VIII Палеолога (1259–1282), восстановителя Византийской империи и основателя ее последней императорской династии.

Дипломат и историк Марино Санудо Торселло (ок. 1270–1343) был одним из наиболее информированных о делах на Востоке латинских авторов своего времени. В его «Книге тайн верных креста» (1306–1321) преобладало враждебное отношение к Византии. Отношение же Санудо к Михаилу VIII, несмотря на то, что при последнем была уничтожена Латинская империя, нельзя назвать сугубо негативным. Санудо с возмущением писал об отказе Михаилу VIII, принявшему Лионскую унию, греческим духовенством в погребении¹. В письме к кардиналу Бертрану дю Пуже (1330 г.), которого Санудо стремился убедить в необходимости коалиции против эгейских эмиратов, венецианец говорил о василевсе сочувственно, возлагая ответственность за провал унии и отлучение Михаила папой Мартином IV в 1281 г. на Карла Анжуйского².

¹ Sanuti Torselli Marini Liber secretorum fidelium crucis / Ed. Bongarius. Gesta Dei per Francos. V. II. Hannoveriae, 1611. P. 180–181.

² *Laiou A.* Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: the Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 // *Speculum*. 1970. Vol. 45. № 3. P. 389.

В этом же послании к Бертрану дю Пуже Санудо указывал на главный внешнеполитический мотив обращения Михаила к унии: «Карл I Сицилийский и Иерусалимский вознамерился захватить империю Романии на том основании, что в этой империи он имел зятя – императора Филиппа <...> А в этой империи император кир Михаил Палеолог, господствовавший в Константинополе и его землях, решил всеми путями и средствами защититься от упомянутого короля. И он поступил так. И направил он своих послов на Лионский собор, который был открыт во время папства Григория из Пьяченцы (Григорий X. – Д. В.). По его приказанию они поклялись святой матери Церкви, изрекая: “Верую в Бога”, затем, как говорится у латинян: “иже от Отца и Сына исходящего”. И во имя этого он предал смерти и в море утопил многих своих монахов, настоятелей и прелатов и многих других из своего народа, что желали держаться противоположного взгляда. <...> Вышеупомянутый король (Карл Анжуйский. – Д. В.) до такой степени влачил за собой папу Мартина, наконец пришедшего к власти, что тот отлучил от церкви императора, который удерживал возвращенную своему народу землю. И сказал император кир Михаил, услышав это: “Так я возвращаюсь к всемогущему Богу: я сделал все, что мог”»¹. В этом послании Санудо пытался представить законным право Михаила VIII защитить империю от посягательств сицилийского короля.

В «Пространной хронике» дожа-интеллектуала Андреа Дандоло (1306–1354, дож 1343–1354) Михаил VIII Палеолог предстал узурпатором и врагом венецианцев: «На девятом году дожа (Реньеро Дзено (1252–1268). – Д. В.), – писал Дандоло, – Феодор (Феодор II Ласкарис (1254–1258). – Д. В.), считавший себя императором греков, умирая, с надеждой вверил своих сыновей заботе Михаила Палеолога. Он, усилившись, когда мощь латинян ослабла, захватил град Константинопольский <...>. Но Михаил, лелея мечту о высшей власти, задушил сыновей Феодора, которых тот доверил ему, и возложил на себя имперский венец. А с генуэзцами, о которых он знал, что они были соперниками венецианцев, заключил союз»². В действительности сын Феодора Иоанн IV был не задушен, а ослеплен по приказу Михаила после взятия Константинополя.

Венецианский канцлер Кандии и хронист Лоренцо де Моначи (1351–1428) писал о Михаиле VIII в русле характеристики, данной тому дожем-хронистом: «Примерно в это время после смерти Ватаца и сына его (Феодора II Ласкариса. – Д. В.) некий грек по имени Палеолог тиранически захватил

¹ *Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe. München, 1855. P. 773–774.*

² *Andreae Danduli Chronica per extensum descripta / A cura di E. Pastorello // Rerum Italicarum scriptores. T. XII. Bologna, 1940. Partes 1–2. P. 311.*

власть надо всей Грецией»¹. Де Моначи был более осведомлен в истории Палеологов, нежели Дандоло, прямо или опосредованно имея доступ к греческим источникам. «Михаил Палеолог, – утверждал венецианец, – который выдвинулся при жизни Феодора, вероломнейшим образом нарушив клятву верности [его] сыну, путем невероятного предательства, как отражено в исторических трудах греков, отобрал царство у сына этого Феодора»². Далее хронист, несмотря на утверждения об использовании в хронике «греческих историй», повторял фразу об удушении Михаилом VIII «сыновей Феодора»³. В качестве примера жестокости Михаила Палеолога де Моначи приводил ослепление по его приказу пленных венецианцев в 1263 г.⁴. Де Моначи также утверждал, что Михаил заключил мир с Венецией, поняв невыгодность союза с Генуей⁵.

В целом, в историописательских трудах венецианцев образ Михаила VIII за XIV–XV вв. претерпел эволюцию в сторону большей однозначности. В образе Михаила VIII усиливался негативизм, он предстал, в первую очередь, как коварный и беспринципный враг. Императору приписывалась жестокость, но не спонтанная, а продуманная. При этом даже в наиболее резких венецианских оценках Михаила заметно понимание рациональности его мотивов.

А. Ђ. Гавриловић

Белградский университет (Белград)

О украсу надбедреника Светог Јована Златоустог и Светог Василија Великог у манастиру Ставреникита на Светој гори Атонској⁶

Католикон светогорског манастира Ставреникита, посвећен Светом Николи Мирликијском, подигнут је у X веку и првобитно посвећен Богородици. Његове фреске и иконе на иконостасу, као и трпезарију након обнове манастира у XVI веку, извели су Теофан Крићанин и његов син Симеон. Теофан, гласовити уметник критске школе, био је активан као сликар између 1527. и 1548. године, а у Ставреникити је радио у петој деценији XVI века (1545–

¹ Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii. Chronicon de rebus Venetis ab U.C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjunctionem ducis Faledro. Venetiis, 1758. P. 149.

² Ibid. P. 148.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 197.

⁵ Ibid. P. 198.

⁶ Овај рад је настао као резултат рада на пројекту „Српска средњовековна уметност и њен европски контекст“ (177036), који финансијски подржава Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.